

21.12.95

Общая газ. - 1995 -
21 дек. - с. 10.

СОЧИНЕНИЕ ЖИЗНЬ СПУСТЯ

Смерть в самую точку

А поиски убийц Есенина – графоманское излишество

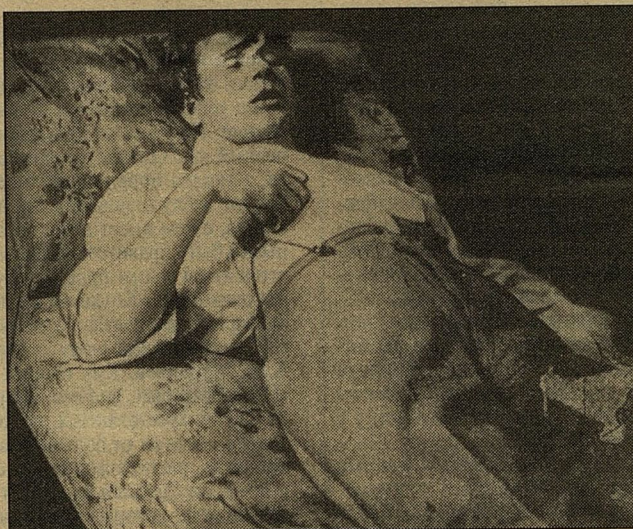
Алена ЗЛОБИНА

Судьбам больших поэтов часто свойственна художественная завершенность. Они, эти судьбы, сами собой выстраиваются в литературный сюжет – своего рода роман. Автор его выступает также и героем, а все перипетии частной человеческой биографии так или иначе соответствуют изменениям поэтического облика. Финал вытекает из творческого пути как из замысла. И если дотошные исследователи (следователи) предлагают новые версии жизни или смерти, я, не интересуясь аргументами, без колебаний выбираю тот вариант, который точнее рифмуется с лирическим «я» – а значит, обладает большей художественной выразительностью. Вот почему раскопки на тему «убийства» Есенина свидетельствуют, на мой взгляд, лишь о полном отсутствии поэтического чутья: ведь его самоубийство есть точное – в самую точку – завершение жизненного сюжета, тогда как финальное появление убийц выглядит графоманским излишеством.

Есенин – как и многие великие поэты – был создан для трагической судьбы. С самого начала его отношения с миром строились на очень жесткой и все более напряженной оппозиции. Родина – «деревянная Русь» – была любима «до боли», но тесна душе, требующей простора. В стихотворном (из стихов сотворенном) мире это объяснялось стихийным удалством натуры. «Уйду бродягой или вором», а там и вовсе: «кого-нибудь зарезу под осенний свист». В реальности же никакая не бродяжья тоска, а именно «песенный плен» уводил от родных полей в городские стены. Ибо там делалась поэтическая биография. Со всеми ее неперенными атрибутами: выступлениями, журнальными публикациями, книжками... И (горький парадокс!) только город – чужеродный, природно враждебный, окрестивший мужика «как падаль и мразь», – только город мог по достоинству оценить «поэта деревни». Оценить, однако, лишь как поэта, оставаясь равнодушным к человеку: «Близок твой кому-то красный вечер, Да не нужен ты». А родине – с точностью до наоборот – он «дорог как плоть», но:

*Бедные, бедные крестьяне...**О, если б вы понимали,**Что сын ваш в России**Самый лучший поэт!*

Не понимали, разумеется. Впрочем, Есенин никогда всерьез и не

Сергей Есенин. Посмертная фотография

мечтал об этом. И что характерно, никогда не отождествлялся с со-родичами. «Девы-царевны», «рекрута», старики, богомолки, па-хари, там и сям разбросанные в его ранних стихах, существуют совсем отдельно от поэта, который растворен не в народе, – в природе. И с природой почти всегда – один на один. Случается, конечно, и красавицу затащить «до утра в кусты», однако ж лирические объяснения с «сонными березками», снежными черемухами, месяцем-ягненокм звучат куда выразительнее, нежели любовные признания. И панихидная песня по какой-нибудь Танюше, по силе сострадания – а следовательно, и по художественной силе – рядом не стоит с ре-квиемом по лисице и плачем по корове...

От всеобъемлющего одиночества ли, по свойству ли натуры – но родней своей Есенин объявляет зверье. Вернее, не просто объявляет, а чувствует. И чаще всего это выражается в сочувствии – по-скольку люди безжалостны к «братьям меньшим»: из котика делают шапку, у коровы отнимают ее беленого телка, а потом и саму ве-дут на убой, новорожденных щенят топят, и несчастная сука-мать скулит над дрожащей водою... Только собственная мать (да не шо-

кирует читателя такое сопоставление) вызывает у Есенина столь же страстную, душераздирающую жалость.

Но мать может сказать сыну: «Мне страх не нравится, что ты по-эт», – а бессловесные твари «головой кивают навстречу» и позволя-ют утешаться теплой иллюзией: «Каждый стих мой душу зверя ле-чит». А может быть, и не иллюзией вовсе?... По воспоминаниям со-временника, «милый Джим» (тот самый, прославленный в стихотво-рении «Собаке Качалова») был редкостно свирепой зверюгой, кото-рую никому из гостей и в голову не входило «по шерсти бархатной потрогать»: руку отхватит – а к Есенину действительно «лез цело-ваться». Но этот симпатичный сюжетик – так, маленькая домашняя картинка на фоне тотального истребления.

Красногрудый жеребенок – «смешной дуралей» – еще бежит впергонки с поездом, но судьба его предрешена; он будет раздавлен «железными воротами». Судьба поэта – общая с ним, с ними со все-ми: «Сестры-суки и братья-кобели, я, как вы, у людей в загоне»... Даже уничтожение своего «древнего мира», деревни, шею которой «сдали каменные руки шоссе», он сравнивает не с крушением че-ловеческих сообществ, но с гибелью затравленного зверя. Людям же в этой яростной и отчаянной «песне звериных прав» отводится роль загонщиков, охотников – и только. А ведь Есенин был отнюдь не одинок в своей тоске по «Руси уходящей». Но даже в этом коллек-тивном чувстве он предпочитает объединиться не с мужиком, но с волком, зажатым «в тиски облав»... И стихи свои, грусть свою он на-зывает «звериными».

Дикое «звериное» одиночество в людской толпе как раз и стало одной из главных причин самоистребительного разгула – начавше-гося, между прочим, до революции. Мы знаем: он пытался ото-рваться, пытался вписаться в новую жизнь – примкнуть, то есть, к человеческой стае. Не получилось. И не только большевики виноваты в этом, и даже не победоносное наступление «стальной конницы» на любимые поля... Суть в другом: растворенное в природе, напо-ненное близостью со всякой живой тварью деревенское детство, чуть закончившись, стало казаться Есенину утраченным раем. По-тому и не могли спасти наезды на деревню: рай ведь на то и утрачен, что его нельзя вернуть... И возможно даже, что свидания с давно по-кинутой родиной, сделав утрату очевидной, тем самым приблизили гибель. Впрочем, поэт еще в 1916 году накрепко связал возвращение – со смертью: «И вновь вернусь в отчий дом... На рукаве своем по-вешусь». Но повесился он все же не под родимым окном, а в «Анг-летере»... 27 декабря 1925 года.

Есенин Сергей